

СМЫСЛОВОЙ СИНТЕЗ В ДИСКУРСЕ

В статье предложено понимание дискурсивного смысла как продукта функционального и смыслового синтеза, определяющих процесс рождения смысла как концептуальной системы, которая формируется в ходе языковых операций, реализующих авторский замысел. Способность языковых единиц и категорий выполнять одновременно целый ряд функций создает в дискурсивном процессе эффект «синкретизма форм», описанию которого посвящено данное исследование.

Ключевые слова: дискурс, смысловой синтез, «синкретизм форм».

Смысл представляет собой явление, исследованию которого посвящено значительное количество работ в самых разных науках. Источники, строение и условия рождения смысла получают описание как результирующие от множества различных факторов, в игре которых причудливо смешиваются объективные и субъективные начала. Предлагаемая статья посвящена языковой природе смысла, основной акцент в дальнейших рассуждениях будет сделан на активности субъекта речи в этом процессе.

Утвердившееся в современной науке представление о смысле как мыслимом образе вещи и ее свойств, трактовка смысла как продукта употребления языковой единицы в речи позволяют рассматривать его как концептуальную систему, понимание смысла, связывающее его с целями и мотивами субъектов общения. Двойственная природа смысла определена его положением между индивидуальным сознанием личности и миром, и его источником всегда остается творческая деятельность человека, осваивающего действительность [2].

Поворотным моментом в современной науке о языке становится признание процессуальности смысла, его рождения в дискурсивном процессе. Одно из оснований для этого образуют концепции смысла в философии и теории языка конца XX века, связанные с рождением философии субъекта. Феноменология субъекта, полагает один из ведущих представителей этого направления П. Рикер, проявляет себя в сфере языка, субъект есть начало означающей жизни. Само понимание, по мысли Рикера, рождается только в языке, что позволяет ему говорить о способе существования субъекта как *интерпретированном* бытии [3, с. 49].

Один из вопросов философии субъекта содержит размышление о том, является ли язык бессознательным инструментарием, с помощью которого говорящий субъект берется понять бытие, существующих людей и самого себя, или в самом языке содержатся возможности, позволяющие утверждать, что прояснение функции означивания и «показывания» возможно только на пути синтеза. Основания для смыслового синтеза в дискурсе П. Рикер усматривает в полисемии, выводя суть этого явления не из системных связей, а из отношений внутри дискурсивного процесса, утверждая, что

---

* © Данилова Н.К., 2016

Данилова Нина Константиновна (danilova_nina@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

полисемия представляет собой результат воздействия смысла, порожденного в дискурсе [3, с. 115–127].

Металингвистическая концепция смысла П. Рикера выделяет в качестве сущностного признака акта коммуникации в нарративе *способ обозначения субъекта дискурса*, всегда связанного с выбором и новизной. В нарративе, послужившем П. Рикеру источником сведений о языковой природе повествовательной идентичности, вопрос о субъекте речи отмечен двойственностью, сформулированной П. Рикером в утверждении о том, что в этом случае вопросы «кто говорит?» и «кто делает?» оказываются взаимно переплетенными [4, с. 33]. Разнообразие возможностей задавать вопрос «кто?» опирается на способность языковых структур к *синкретичному* способу воплощения субъективности в языке, о чем пойдет речь в предлагаемой статье.

В лингвистической перспективе текст получает освещение как комплекс целого ряда коммуникативных явлений, как особый вид социального взаимодействия [5, с. 22]. Речевой акт, неотъемлемой составляющей которого является текст, выступает в качестве двуединого комплекса событий, процесса продуцирования говорящим высказывания и процесса интерпретационного восприятия готового речевого продукта. В этом случае в поле зрения оказываются оба полюса процесса синтезирования смысла: процесс производства и процесс восприятия текста.

Исследование языковых механизмов процесса смыслопорождения исходит из ряда положений современной науки о языке, имеющих уже характер аксиом, речь идет о многослойности структурной организации текста, в которой находит отражение многообразие факторов, служащих формированию готового речевого продукта. Одним из параметров текста, в котором находит отражение феномен многослойности, является позиция субъекта высказывания, языковое заполнение которого находится в зависимости от конфигурации семантического пространства текста. Выделение субъектных позиций в дискурсе как функций от «пространства корреляции» (Фуко) не только следует принципам дискурсивного анализа, но и отвечает постулатам диалогической грамматики, возвращающей субъекту его права, утраченные в исследованиях пропозициональной семантики [7, S. 17–18].

Грамматический субъект в диалогической грамматике приобретает статус центральной фигуры и выступает в функции «базиса детерминации», определяемого предикатом как детерминирующим элементом. Отношения детерминации, формирующие поверхностную синтаксическую структуру, обнаруживают тесную связь с ситуацией общения и ролями участников. Коммуникативным ролям говорящего и слушающего свойственны достаточно стабильные позиции, в отличие от референтной роли третьего лица, обретающего четкие контуры только в конкретной ситуации. С помощью ролей определяется *информационный профиль* текста, минимум организации которого получает название «горизонт», максимум — «фокус» [7, S. 109].

Грамматика прагматической ориентации выделяет, кроме того, роли деятеля, или актанты, комбинация которых становится определяющей для конфигурации смысла. Конфигурацию смысла определяют комбинации отношений между коммуникативными ролями и актантами, в которых определяющей остается позиция грамматического субъекта, обладающая референтной устойчивостью. В системе субъектных отношений выстраивается, таким образом, определенная корреляция между структурой интеракции (набором коммуникативных ролей) и актантов, что находит отражение в синтаксической структуре высказывания.

В диалогической грамматике коммуникативные и синтаксические роли остаются языковыми категориями, формирующими систему коммуникации с социально-коммуникативными стратегиями и определяющими вербальное поведение индивидуумов в любой сфере общения (совокупностью локутивных позиций, которые создают возможность быстрой смены ракурсов изложения). Определенная степень гомологии между синтакси-

ческой и коммуникативной структурами (триада) не исключает возможности рассматривать оба уровня организации высказывания как относительно автономные структуры, функционирующие по собственным правилам в качестве системных образований.

Обозначенная Г. Вайнрихом область синтаксических процессов, формирующих смысл, получает описание только в плоскости выражения, что настоятельно требует решения проблемы того, как формируется семантическое пространство текста. Принципиально существующая связь между коммуникативной и синтаксической организацией высказывания (понимаемого как структурная единица дискурса) принимает в исследовании Н.Н. Болдырева иное направление, чем в коммуникативно-текстовом анализе.

Выделяя два типа пространства, участвующих в моделировании высказывания, *пространство деятеля (событийное пространство)* и *пространство наблюдателя*, Н.Н. Болдырев рассматривает последнее как сферу действия говорящего, слушающего и третьего лица, не участвующего в коммуникации [1, с. 212]. Качества стабильности/мобильности пространства соотнесены в исследовании с ориентацией относительно наблюдателя или деятеля, изменение пространственных характеристик отражает определенную интерпретацию события с учетом точки отсчета. Н.Н. Болдырев выделяет *онтологический вектор события*, направленный от активного источника события к его объекту, и *интенциональный вектор*, отражающий определенный способ передачи события с точки зрения говорящего, слушающего или третьего лица. Способность вектора высказывания принимать вид денотативного или интенционального зависит от совпадения его с онтологическим вектором событий, отражающим направленность от источника действий к объекту.

Одна из возможностей отсылки к наблюдателю реализуется, по мнению автора, в модальном компоненте оценки. Наличие субъекта-каузатора может быть выражено отрицательной формой модального глагола. Концептуализация событий в языке определяется, на взгляд автора, выделением объектов через пространственные ориентиры, при этом особая, активная роль отводится автору высказывания, именно он ограничивает событие благодаря выделению этих ориентиров. Принадлежность ориентиров либо пространству деятеля, либо пространству наблюдателя создает такое качество моделирования речи, как мобильность. Противоположное качество, столь же необходимое для процесса создания «образа мира», – стабильность – создается, по мнению Н.Н. Болдырева, семантикой используемых глаголов, несущей в себе определенную программу интерпретации события в качестве обязательных и факультативных валентностей.

Синтаксические способы выдвижения элементов событийного пространства или пространственных ориентиров наблюдателя фиксируют языковую интерпретацию события, а следовательно, изменение интенции, сопровождающееся, в терминологии Н.Н. Болдырева, *перемещением концептуализаций*, отражающих изменение способов репрезентации действительности.

Возможность формирования более дифференцированной картины происходящего может быть, по нашему мнению, дана выделением тех моментов организации, которые указывают на связь функционирования системы ориентации с моделями деятельности и различными способами представления объективной действительности. Перемещение концептуализаций и проявления динамики системных связей в акте рассказывания обеспечиваются, по нашему мнению, наличием в системной организации высказывания самостоятельного интенционального уровня, связанного со способами интендирования «положения дел» и получающего реализацию в тексте (в нашем случае – художественном) через последовательную смену ракурсов изложения (*когнитивных перспектив*). Интенциональный уровень организации отмечен использованием предикатов с чувственными, эмоциональными и аксиологическими значениями. Основания для этого вытекают из того обстоятельства, что понятие «наблюдатель» характеризуется двой-

ственностью, им обозначают как субъекта восприятия (перцептора), так и коммуникативную роль, позволяющую занять объективированную позицию в условиях дискурса.

В соответствии с выдвинутой нами гипотезой строение акта рассказывания (повествовательного дискурса) рассматривается нами как процесс развертывания системы смысла, которой свойственно линейное динамическое развитие (режим on-line). Целью процесса является включение повествования («истории») в дискурсивную (коммуникативную) ситуацию особого рода в художественной практике. Акт рассказывания исследуется нами как повествовательное высказывание, предназначение которого состоит в создании «прагматической матрицы» для системы речевых действий, отбор и использование которых отражает вариации субъекта высказывания. Развитие повествовательного высказывания и отдельные фазы его становления фиксируют изменения в «семантических ситуациях», прогнозируемых и определяемых авторской интенцией и получающих выражение в смене *когнитивных перспектив, рефлексивной или перцептивной*.

В «операциональном поле говорящего» направленность вектора интенциональности, как показывает наблюдение, определена выбором типа действующего субъекта. Деятельностная ориентация субъекта рефлексии характеризуется направленностью вектора интенциональности от внутреннего мира к внешнему. Субъекту восприятия (перцептору) свойственен вектор интенциональности, направленный от внешнего мира к внутреннему. Субъект действия включен, как правило, в один из этих двух основных способов индендирования, полагания событийного мира в акте рассказывания.

Субъект повествовательного высказывания исследуется нами как знак художественного кода, значение которого является продуктом вторичной концептуализации. Процессы, предшествующие и сопровождающие акт вторичного семиозиса и измерения, свойственные «семантическому означиванию» (термин Э. Бенвениста), не являются прерогативой художественной коммуникации, однако именно в условиях литературной практики трансформации знаков естественного языка в знаки художественного кода совершаются наиболее регулярно. В структуре дискурса субъект высказывания образует дискурсивную позицию, которая получает функциональное определение в каждой фазе развертывания смысла нарратива, являясь, с одной стороны, «следами деятельности» субъекта письма и образуя, с другой стороны, определенные ориентиры для деятельности понимания субъекта чтения.

Рассказ Г. Гессе «Karpelle» открывается секвенцией, единство которой обеспечивается когнитивной перспективой рефлексора: (1) Die rosenrote Karpelle mit dem kleinen Vordach muss von guten und zart fühlenden Menschen erbaut sein, und von sehr frommen Menschen (Hesse, S. 87). Модальный глагол müssen использован со значением предположения и включается в игру предикатов в следующей секвенции: (2) Mir ist oft gesagt worden, es gäbe keine frommen Menschen mehr. Man könnte ebensogut sagen, es gäbe heute keine Musik und keinen blauen Himmel mehr. Ich glaube, es gibt viele Fromme. Ich selbst bin fromm. Aber ich war es nicht immer. Субъект говорения вводится в повествования последовательно, так как в первом высказывании доминирует коммуникативная перспектива наблюдателя, получающая выражение с помощью пассивной конструкции со значением предположения (muss erbaut sein). Последующее высказывание содержит акцент на семантической позиции экспериенцера (Mir ist oft gesagt worden), вводимой пассивным залогом и конъюнктивом в предложении с неопределенно-личным местоимением man. Эксплицитная когнитивная представлена высказыванием с выраженным эпистемическим субъектом Ich glaube. Внутри начальных секвенций рассказа прослеживается «модусный шов» (термин О.Е. Фроловой), так как коллективная рефлексия сменяется личностной, а ретроспектива (модус воспоминания) — актуальным модусом представления «положения дел».

Следующая секвенция рассказа (3) Der Weg zur Frömmigkeit mag für jeden ein anderer sein. Für mich lief er über viel Irrtümer und Leiden... Ich bin Freigeist gewesen und wusste,

dass Frömmigkeit eine Seelenkrankheit ist завершает переход от авторской рефлексии к событийному пространству. Экспозиция и открываемое ею событийное пространство изложения («история») вновь демонстрируют наличие модусного шва между генерализированным высказыванием, вводящим этическую норму (*mag ein anderer sein*), и перспективной рефлектора, объединенной с коммуникативной перспективой субъекта речи, а на семантическом уровне — ролью агенса (*Ich bin Freigeist gewesen*). Способность персонализированного грамматического субъекта, идеальной формы индикатора иллокуции, вмещать несколько перспектив (коммуникативную перспективу субъекта речи, когнитивную перспективу рефлектора и семантическую роль агенса), позволяет ему выступать, с одной стороны, как сигнал смены перспективы, с другой — обеспечивать плавный переход от одного ракурса представлений событий к другому. Использование морфологических форм времени и форм залога в качестве модусных характеристик выделяет факт синкретичности языковой семантики, что обеспечивает высокую степень ее мобильности в процессе смыслового синтеза.

В том случае когда в фокусе изложения оказывается ситуация непосредственного восприятия, текст организован перспективой перцептора: (4) *O liebe, innige Kapellen dieses Landes! Ihr blühet aus dem Grün hervor, gelb oder weiß oder rosig, wie Frühlingslieder junger Menschen* (Hesse, S. 88). Структура интеракции, представленная императивом с импликацией объекта-адресата, включает оценочную характеристику через сравнение. В тексте выстраивается тем самым дейктическое (коммуникативное) пространство, наглядно-чувственное в своих основах, местоимение *ihr*, имплицитно присутствующее субъекта речи, характеризует коммуникативные роли по их ситуационным условиям, отражая телесную конфигурацию участников общения.

Завершающая рассказ секвенция сформирована событийным пространством и несет в себе «следы» интенциональной структуры благодаря аллюзии *fromm*: *Ich pflücke Blumen in der nächsten Wiese, Primel, Klee und Hahnenfuß, und lege sie in der Kapelle nieder. Ich setze mich auf die Brüstung unterm Vordach und summe mein frommes Lied in der Morgenstille* (Hesse, S. 90).

Подводя итоги, можно отметить, что модусы, получающие внутри перспектив выражение с помощью временных залоговых форм и системы ориентации субъекта, демонстрируют взаимодействие грамматических категорий, призванных участвовать в создании следующих уровней отношений: отношения между объектами, отношения между субъектом и объектом, отношения между субъектами. Использование форм времени, залога и местоименной системы ориентации субъекта для синтеза смысла определено их изначальным синкретизмом, способностью служить средствами реализации установок субъекта, связанных с временной перспективой и маркировкой нарративного или речевого регистра. Матричное строение интенционального уровня позволяет средствам реализации когнитивных рефлексивной или перцептивной перспектив включаться в процесс смыслообразования в зависимости от необходимости актуализации одного из указанных типов отношений и от способа репрезентации событий.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–216.
2. Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делеза: *pro* и *contra* // Логос. 2005. № 4 (49). С. 227–258. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/12.pdf>.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
4. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
5. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 20–27.

6. Фролова О.Е. Содержание и методическая интерпретация категории «пространство» при обучении толкованию русского прозаического художественного текста. М.: АКД, 1996.

7. Weinrich, Harald. Textgrammatik der deutschen Sprache. Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. 1111 s.

Источник фактического материала

Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 128 s.

References

1. Boldyrev N.N. Otrazhenie prostranstva deiatelia i prostranstva nabliudatel'ia v vyskazyvanii [Reflection of space of a doer and the space of an observer in the utterance] in *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 212–216 [in Russian].

2. Kravets A.S. Teoriia smysla Zh. Deleza: pro i contra [Theories of meaning of G. Deleuze: pro and contra]. *Logos*, 2005, 4(49), pp. 227–258. Retrieved from: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/12.pdf> [in Russian].

3. Ріснь Р. (a) Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenovtike /Per. s fr. I.S.Vdovinoi [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. Translation from French by I.S. Vdovina]. М.: Akademicheskii Proekt, 2008, 695 p. [in Russian].

4. Ріснь Р. (b) Ia-sam kak drugoi/Per. s fr. [Oneself as another. Transl. from French]. М.: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2008, 416 p. [in Russian].

5. Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obshcheniia [Problems of theory of communication]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], 2010, no. 2(12), pp. 20–27 [in Russian].

6. Frolova O.E. Soderzhanie i metodicheskaia interpretatsiia kategorii «prostranstvo» pri obuchenii tolkovaniu russkogo prozaicheskogo khudozhestvennogo teksta [Contents and methodological interpretation of the category of «space» at teaching interpretation of Russian prosaic literary text]. М.: АКД, 1996 [in Russian].

7. Weinrich, Harald. Textgrammatik der deutschen Sprache. Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993, 1111 p. [in German].

Source of factual material

Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 128 p. [in German].

N.K. Danilova*

SEMANTIC SYNTHESIS IN DISCOURSE

In the article the understanding of discursive meaning as the product of functional and semantic synthesis defining the process of birth of meaning as a conceptual system which is formed in the process of language operations, realizing artist's intention is suggested. The ability of linguistic units and categories to perform simultaneously a variety of functions creates in the discursive process the effect of «syncretism of forms», to the description of which the given research is devoted.

Key words: discourse, semantic synthesis, «syncretism of forms».

Статья поступила в редакцию 14/II/2016.

The article received 14/II/2016.

---

* *Danilova Nina Konstantinovna* (danilova_nina@mail.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443011, Russian Federation.